

А. Х. Боров, К. Ф. Дзамихов, Х. Б. Мамсиров

Региональный опыт политических трансформаций в новейшей истории России: Кабардино-Балкарская Республика

Боров Аслан

Хажисмелович

кандидат исторических наук, доцент, Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук (Нальчик, Россия)

Дзамихов

Касболат Фицевич

доктор исторических наук, профессор, Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук (Нальчик, Россия)

Мамсиров

Хамитби

Борисович

доктор исторических наук, профессор, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова (Нальчик, Россия)

Проблема и подход. Кардинальные вопросы государственно-политического развития России остаются актуальными вот уже четверть века. По формальным политико-правовым признакам системная политическая трансформация завершилась к концу 1993 г. С тех пор Конституция РФ не претерпела сколь-нибудь существенных изменений, но политический режим эволюционировал достаточно заметно. Речь идет именно об эволюции, а не о движении политической конъюнктуры — существо политического развития страны и ее регионов в последнюю четверть века определялось проблемами закрепления принципов либеральной демократии в системе формальных институтов, их внедрения в реальную практику политического режима, их укоренения в политической культуре общества.

Движение научной мысли шло параллельно с политическим развитием, сохраняя автономную критическую позицию. В 1990-е гг. в ней доминировало стремление к освоению аналитического инструментария транзитологии и представления социально-политической динамики страны в терминах «перехода к демократии»¹. Не вызывала также сомнений правомерность самостоятельного изучения региональных политических процессов и режимов².

На рубеже 1990-х — 2000-х гг. в концептуальном поле возобладал критический подход к оценке познавательных возможностей транзитологии применительно к российскому опыту, а в политическом процессе произошел поворот

к рецентрализации и нивелированию многообразия региональных политических режимов. Интересные попытки преодолеть теоретические трудности, возникающие при соотнесении логики транзитологических моделей с российским опытом, предпринятые в ряде работ, весьма полезны для целей настоящей статьи³. Вместе с тем отмечалось, что и в 2000-е гг., когда существенно усилилась зависимость регионов от федерального центра, сохранялись проблемы автономии региональных политических режимов, их разнообразия и балансирования между демократией и авторитаризмом⁴. А в начале 2010-х гг. на общественной и государственной повестке дня вновь оказались задачи либерализации и демократизации. С социологической точки зрения представлялось очевидным, что задачи системной модернизации страны невозможно решить, опираясь лишь на меры бюрократической мобилизации и технократические усилия без подключения потенциала общества, без развития творческой конкуренции идей и подходов, без реальной многопартийности и повышения качества народного представительства в органах власти и управления⁵. В предвыборной статье 2012 г. «Демократия и качество государства» В. В. Путин уже связывал повышение качества и дееспособности государства не с укреплением вертикали власти, а с «подлинной демократией» и говорил о необходимости обновления механизмов демократии, чтобы они могли вместить возросшую общественную активность⁶. Эти принципы должны быть воплощены в жизнь и на федеральном, и на региональном уровнях политической организации общества. С этой точки зрения весьма по-прежнему актуален подход к политическому развитию отдельных регионов как к самостоятельному предмету изучения, соотнесенному с общероссийским политическим контекстом.

Исследования в этой области могут исходить из различных методологических позиций, располагающихся между полюсами сравнительного анализа с теоретическими целями, охватывающего максимально широкий круг регионов, и индивидуализированного идиографического описания конкретного случая. Недавно канадский политолог Ф. Эйдлин предложил еще один вариант наведения методологического моста между этими полюсами: обобщение в пределах данного контекста (*contextually limited generalization*)⁷. Этот подход представляется весьма плодотворным, в том числе в силу своей междисциплинарной интенции и выдвижения на первый план роли исследовательской перспективы — точки зрения того, кто строит обобщение. В естественных науках точка зрения исследователя соответствует теоретическому допущению — гипотезе, способность которой объяснить наблюдаемые или экспериментальные данные и подвергается проверке. В отличие от этого, точки зрения, присутствующие в общих интерпретациях социально-исторических явлений, соотнесены не только с познающим, но и с действующим социальным или политическим субъектом. Выраженный в них интерес — это не только познавательный, но и практический интерес: «В конечном счете мы изучаем историю для того, чтобы удовлетворить свои интересы и, по возможности, понять при этом свои собственные проблемы»⁸. Но если инкорпорация определенной точки зрения в логику исследования осуществляется осознанно и критически, то основанная на ней интерпретация приобретает стандартные характеристики научности — проверяемость и фальсифицируемость, — одновременно оставаясь

в сфере общественного дискурса как рациональная рефлексия «самосозидающегося субъекта» политики⁹.

Исследование региональных проблем демократии и демократизации в соотношении с их мыслимым социальным субъектом могло бы разворачиваться на пересечении трех плоскостей. Во-первых, его логично строить применительно к отдельно взятому субъекту Федерации, а не к макрорегиону (скажем, Северному Кавказу). На субнациональном уровне только отдельно взятый субъект Федерации имеет систему институтов государственной власти и может быть представлен как квазиполития, а демократический режим ее функционирования может быть реализован на деле только через гражданскую активность и политическое участие ее населения. Во-вторых, следует напомнить о значении для демократического, самоуправляющегося общества «культуры исследования проблем и их решения», в отсутствие которой общество не может учиться на своем опыте¹⁰. Если попытаться представить себе, что социальный субъект региональной политики, преодолев характерный для ситуации 2000-х гг. «заговор молчания», приступает к своего рода «общественному исследованию» проблем демократизации в открытой публичной сфере, то такое исследование, скорее всего, выступит как анализ собственного опыта, как историческая дискуссия. В-третьих, обобщение политического опыта «в пределах данного регионального контекста», по всей вероятности, примет форму его сопоставления с нормативным отношением к демократии, с набором ее принципов и норм, формально закрепленных в Конституции РФ и в конституционно-правовой системе данного субъекта Федерации.

Состояние изученности обозначенной проблемы оставляет пространство для дальнейших исследований в этой области. Проблемы становления современных институтов власти в Кабардино-Балкарской Республике (далее также — КБР) рассматривались в основном в рамках государственно-правовых исследований. В историческом изучении постсоветских политических трансформаций в Кабардино-Балкарии приоритет отдавался этнополитической проблематике. Имеющиеся работы, посвященные исследованию собственно политического развития республики, либо касаются только отдельных его аспектов и этапов, либо носят сугубо описательный характер¹¹.

В настоящей работе рассматривается весь период постсоветского политического развития Кабардино-Балкарской Республики в единстве внутренних и внешних для местного общества факторов институциональных трансформаций и в соотношении их возможных альтернатив и реальных результатов. Критерии оценки направленности и фактических результатов институциональных трансформаций выводятся из нормативного отношения к демократии, зафиксированного в конституциях РФ и КБР. Цель исследования заключается в проблематизации исторического материала таким образом, чтобы он мог послужить источником политического опыта для социального субъекта региональной политики (локального гражданского сообщества), без активного демократического участия которого невозможно достижение целей региональной модернизации.

Постсоветский переход в Кабардино-Балкарской Республике. Относительно завершенный процесс системной политической трансформации

в Кабардино-Балкарии приходится на период с конца 1989 г. и до конца 1997 г. В его рамках вычленяются три основные фазы.

Первая фаза начинается с осени 1989 г. и продолжается до лета 1991 г. Это фаза либерализации и, частично, демонтажа институтов советской политической системы. Применительно к опыту Кабардино-Балкарии фундаментальное значение здесь приобрели следующие факторы. Во-первых, в обстановке крушения прежнего общественного и государственного порядка региональные органы власти должны были принять на себя резко возросший объем функций по регулированию общественных отношений на территории республики. Во-вторых, произошел кардинальный сдвиг в характере легитимации республиканской политической системы. Не идеологическая и правовая санкция, полученная извне от верховного суверена, а представительство интересов и воли населения самой республики становилось реальным фактором легитимации власти. В-третьих, республика выступила как один из субъектов договорного процесса по демонтажу союзной и учреждению новой российской государственности. Основные институциональные сдвиги на этом этапе связаны с выборами в советы всех уровней в марте 1990 г., впервые имевшими свободный и конкурентный характер, отменой статьи о руководящей роли КПСС в Конституции КБАССР в августе 1990 г., принятием Декларации о государственном суверенитете КБАССР в январе 1991 г.¹²

Вторая фаза начинается с событий августа 1991 г., соединивших провал ГКЧП с успешным переворотом, осуществленным российской властью. Это фаза кризисного и конфликтного перехода к постсоветскому политическому режиму, сопровождавшегося ослаблением устоев российской государственности, глубоким этнополитическим расколом и длительным замораживанием ситуации неопределенности для перспектив государственности кабардино-балкарской. Но одновременно — это фаза формирования предпосылок преодоления кризиса. В ее рамках произошло учреждение поста Президента Кабардино-Балкарии (сентябрь 1991 г.)¹³, устранение из основ конституционного строя республики всех признаков советской социалистической государственности, замена их принципами либеральной демократии и утверждение ее современного названия «Кабардино-Балкарская Республика» (март 1992 г.)¹⁴. 27 октября 1993 г. указом Президента КБР было утверждено Положение о Парламенте КБР как высшем представительном и законодательном органе (вместо Верховного Совета), а соответствующие изменения в Конституцию были внесены в январе 1994 г.¹⁵

Третья фаза начинается с голосования по проекту Конституции РФ и выборов в российский и кабардино-балкарский парламенты 12 декабря 1993 г., — это фаза достижения и институционализации политического компромисса этнических элит, стабилизации системы внутренних (этнополитических) и внешних (федеративных) отношений, достройки и конституционного закрепления институтов современной государственности КБР. Результаты голосования по проекту Конституции РФ вполне устраивали президентское крыло российской государственной власти — поддержка проекта Конституции оказалась выше средней по стране. Тем самым укреплялись ранее сложившийся альянс федеральной и республиканской исполнительной власти и собственные политические позиции последней. Состав республиканского парламента, избранного 12 декабря 1993 г., также был вполне

лоялен президенту республики и не сулил какой-либо дестабилизации. К началу 1994 г. ослабели позиции ведущих организаций этнонационального толка — Конгресса кабардинского народа и Национального совета балкарского народа. В этих условиях республиканские власти смогли предпринять ряд мер по снижению напряженности в обществе и закреплению основных итогов политической трансформации. Был принят ряд документов по вопросам реабилитации балкарского народа, внесены очередные изменения в Конституцию КБР с учетом учреждения парламента республики и положений Конституции РФ.

Еще одним направлением в деятельности по упрочению стабильности в республике стали формальное закрепление конструктивного взаимодействия республиканских властей с правящей в России группировкой во главе с Президентом РФ Б. Н. Ельциным и, главное, обеспечение «неформальными» средствами реализации ее политических интересов на территории республики. Первое воплотилось в подписании 1 июля 1994 г. Договора Российской Федерации и Кабардино-Балкарской Республики «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий». Второе особенно отчетливо проявилось в ходе выборов в Государственную Думу РФ в 1995 г. и выборов Президента РФ в 1996 г.

Завершающим актом институционализации итогов политической трансформации стало принятие парламентом 1 сентября 1997 г. Конституции Кабардино-Балкарской Республики¹⁶. Основные параметры новой Конституции формировались под влиянием двух базовых факторов: политико-правового наследия переходного периода («суверенизация», де-факто автономное политическое развитие, внутренние этнополитические коллизии, практика договорного регулирования отношений с федеральным центром) и Конституции РФ 1993 г. Республиканская политическая элита в равной мере была заинтересована в сохранении политического капитала, извлекаемого из обоих этих источников. Конституция КБР воспроизводила структуру федеральной Конституции, дополнив ее лишь небольшой главой, посвященной гербу, гимну, знамени и столице республики. Но сама необходимость системного представления основ конституционного строя с удержанием некоторых элементов политико-правового наследия переходного периода и с учетом некоторой амбивалентности положений Конституции РФ, относящихся к конституционно-правовому статусу республики в ее составе, не могла не актуализировать ключевую проблему федерализма — проблему разделения и взаимосвязи государственной власти Федерации и государственной власти ее субъекта¹⁷. Это отразилось в четырех политико-правовых блоках нового Основного закона.

Во-первых, 19 статей первой главы Конституции формально содержали институционализацию государственности КБР. Статья 1 определяла ее как «суверенное демократическое правовое государство в составе Российской Федерации». Носителем суверенитета и единственным источником власти в КБР согласно ст. 4 являлся ее многонациональный народ, а в качестве высшего непосредственного выражения власти народа были закреплены референдум и свободные выборы.

Во-вторых, Конституция КБР 1997 г. вслед за Конституцией РФ провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью, признание, соблюдение и защита которых является обязанностью государства (ст. 2). В отдельной главе

Конституции (гл. 2) воспроизведен весь спектр прав и свобод гражданина, закрепленных в федеральной Конституции.

В-третьих, стандартный набор положений о правах и свободах граждан был дополнен отдельными специфическими нормами, которые толковались в качестве логичного и закономерного применения их к конкретным национальным и культурно-историческим условиям Кабардино-Балкарии. Одна группа норм отражала общее представление о том, что в числе прочего функцией государственности является поддержка воспроизводства этнических культур и институционализация этнических идентичностей; имеются в виду положения: о поддержке государством традиционных для народов республики религиозных конфессий и движений (ч. 2 ст. 32); о запрете распространения информации, несовместимой с морально-нравственными и национальными традициями и устоями народов КБР (ч. 5 ст. 33); о гарантиях развития национальной культуры (ч. 1 ст. 47); о решении вопросов «репатриации на историческую родину этнических кабардинцев (адыгов) и балкарцев, проживающих за рубежом» (п. «л» ст. 69 и п. «т» ст. 70); о придании кабардинскому и балкарскому языкам статуса государственных наряду с русским языком (ч. 1 ст. 76) и др. Другая группа связана с явлениями, которые рассматривались республиканской элитой в качестве конфликтогенных. Сюда в определенной мере относятся двухпалатная структура парламента (ст. 93) и учреждение в составе парламента Комитета по межнациональным отношениям, формируемого из числа депутатов кабардинской, балкарской, русской национальностей на паритетной основе и наделенного полномочиями своего рода «согласительного фильтра» при рассмотрении парламентом вопросов, затрагивающих межнациональные отношения (ст. 103, 104).

Внутренние противоречия системы формальных институтов, утверждавшейся в ходе постсоветской трансформации, дают представление о результатах и пределах эволюции политической культуры республиканской элиты. Очевидно ее стремление продемонстрировать приверженность ценностям либеральной демократии, получившим значение глобальных культурных норм современности и официально принятым Российским государством. Само по себе восприятие демократической риторики не могло остаться без определенных последствий для политической практики. Но оно, разумеется, не стало ее основным содержанием. И в аспекте внутриполитической практики (политического режима), и в аспекте отношений с федеральным центром более существенными были вопросы о полномочиях и взаимном соотношении основных институтов государственной власти в республике.

В-четвертых, республиканская Конституция закрепила режим взаимоотношений ветвей власти, во многом воспроизводящий образец федеральной Конституции. Очевиден особый статус президента республики, в определенной мере ставящий его над принципом разделения властей. Статья 78 Конституции характеризует Президента КБР как главу государства и исполнительной власти, высшее должностное лицо, гаранта Конституции, прав и свобод человека и гражданина. Согласно ст. 81 президент назначает с согласия парламента председателя правительства; утверждает структуру правительства; принимает решение о его отставке; назначает на должность и освобождает от должности глав местной

администрации и т. д. Президенту предоставлялись широкие полномочия, позволяющие ему оказывать определяющее влияние на деятельность законодательной власти и контролировать органы местного самоуправления. Он был наделен правом распускать парламент в случае и порядке, предусмотренных Конституцией; назначать референдум; вносить законопроекты в Парламент КБР; подписывать или отклонять законы, принятые парламентом (ст. 82, 83, 86, 105). Он обладал неприкосновенностью (ст. 87). Вместе с тем Конституция предусматривала процедуру отрешения президента от должности парламентом (ст. 88, 90).

Конституции 1997 г. устанавливала, что представительным и законодательным органом государственной власти КБР является Парламент, состоящий из двух палат — Совета Республики и Совета Представителей (ст. 91, 92). Говоря об оценке места парламента в политической системе республики, иногда приводят общее положение о том, что одной из основ парламентаризма является особый статус парламента в политической системе как высшей законодательной инстанции и высшего представительного органа всего общества. В предыдущей редакции Конституции, действовавшей до 1997 г., парламент КБР действительно определялся как *высший* представительный и законодательный орган (ст. 92). Являясь постоянно действующим органом (ст. 97), Парламент имел согласно ст. 100 Конституции достаточно широкий круг полномочий, в том числе: принятие Конституции КБР, внесение в нее изменений и дополнений; отрешение президента республики от должности; дача согласия Президенту на назначение председателя правительства (премьер-министра) КБР; решение вопросов о доверии, отставке правительства либо отдельных его членов и др.

В связи с этим возникает вопрос о типологизации политического режима, учрежденного Конституцией 1997 г. С опорой на одну из классификационных схем, присутствующих в литературе¹⁸, можно сказать, что с точки зрения формального (конституционного) дизайна региональных институтов государственной власти здесь существует президентско-парламентский тип разделения властей при автономном парламенте. Другое дело — реальная политическая практика функционирования формальных политических институтов (таких как выборы и партии) или роль неформальных институтов, регулирующих взаимодействие органов власти и внутриэлитные отношения в регионах. С этой точки зрения правомерно говорить о президентском типе разделения властей и подчиненном парламенте.

Политико-правовая коррекция итогов переходного периода: возвращение на круги своя? В политологической литературе общепризнано, что период ослабления центральной государственной власти и ползучей политико-административной фрагментации страны сменился с рубежа 1990-х — 2000-х гг. политической рецентрализации, направленной на восстановление контроля федеральных органов власти над важнейшими рычагами управления страной¹⁹. Федеральная власть без вмешательства в текст Конституции РФ 1993 г. посредством принятия соответствующих законодательных актов и посредством толкования органами конституционной юстиции существенно изменила фундаментальные характеристики отечественной политической системы²⁰.

Первые шаги в этом направлении были сделаны еще при Президенте РФ Б. Н. Ельцине, но системность и последовательность политика рецентрализации

приобрела в период президентства В. В. Путина²¹. На первой стадии этого процесса (с марта 2000 г. до сентября 2004 г.) главным было создание федеральных округов, реформа Совета Федерации, предоставление президенту права смещать глав регионов и распускать региональные законодательные собрания, масштабная кампания по приведению региональных уставов и республиканских конституций в соответствие с Конституцией РФ. 13 сентября 2004 г. В. В. Путин объявил о втором пакете политических реформ, включавшем в себя переход от избираемости глав регионов к их назначению президентом страны, новую реформу Совета Федерации, переход к пропорциональному принципу формирования Государственной думы на основе выборов по партийным спискам и др.²²

Хотя в Конституцию КБР 1997 г. был заложен механизм, который, казалось бы, гарантировал ее стабильность, фактически работа по пересмотру и изменению ее текста началась уже через несколько месяцев после ее принятия. Вопрос об изменениях конституции вновь и вновь ставился органами прокуратуры и Министерства юстиции на протяжении почти полутора десятилетий — с 1998 по 2010 г. Сравнение текстов Конституции КБР в первоначальной редакции, в редакциях 2001 и 2006 гг. и в действующей в настоящее время редакции позволяет проследить главные линии и результаты изменений в системе политических институтов Республики.

Практически с самого начала процесса пересмотра Конституции КБР на рубеже 1990-х — 2000-х гг. было понятно, что претензии к отдельным ее положениям так или иначе сводятся к фундаментальной проблеме: возможно ли развернутое нормативное оформление конституционно-правового статуса республики как государства, не вступающее в противоречие с Конституцией РФ? Применительно к суверенитету как признаку государственности вопрос представлялся достаточно ясным, тем более что имелось авторитетное разъяснение Конституционного суда РФ на этот счет. В 2001 г. были приняты новые редакции гл. 1 и 2 и внесена 51 поправка к гл. 3–9 Конституции КБР. По всему тексту Конституции были исключены определение «суверенное» и понятие «суверенитет». Соответственно, был откорректирован ряд положений, характеризующих статус республики в государственной системе Российской Федерации. Из 27 пунктов, первоначально отнесенных к ведению КБР, было исключено 10 пунктов, а еще 4 пункта изменены. Предметом дальнейших коллизий стал вопрос о правомерности самого определения республики как государства. Но в конечном счете в Конституции республики сохранено не только основополагающее определение ее как «демократического правового государства в составе Российской Федерации» (ч. 1 ст. 1), но и целый ряд других положений, подразумевающих ее государственный статус (ст. 5, 7, 14, 67, 78).

Другие требования к изменениям основного закона республики, сущностным образом затрагивающие ее государственный статус, сосредоточились на категории гражданства республики и принципе народовластия. Решением Конституционного собрания КБР от 12 июля 2006 г. ст. 6, которая первоначально устанавливала республиканское гражданство, была окончательно исключена из текста Конституции. Законом о поправках к Конституции от 5 февраля 2008 г. подвергся изменению и абзац преамбулы, в котором присутствовала формула о создании благоприятных

условий для свободного развития всех граждан республики: в словосочетании «граждан Республики» было исключено слово «республики».

Демократическая природа политического устройства Республики прямо провозглашена в Конституции и не подвергалась ревизии. Но более конкретным выражением демократии является принцип народовластия, определяющий в качестве источника власти в государстве народ. Этот принцип, присутствовавший в первоначальной редакции Конституции КБР, подвергся в дальнейшем определенному пересмотру. Содержание ч. 1 ст. 4 Конституции, гласившей, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Кабардино-Балкарской Республике является ее многонациональный народ, длительное время оставалось в фокусе политико-правовых коллизий. Понятие суверенитета было исключено еще в 2001 г. В редакции 2006 г. осталось указание на «многонациональный народ» как источник власти без уточнения — идет ли речь о народе Кабардино-Балкарской Республики или Российской Федерации. Наконец, в 2010 г. была принята редакция, согласно которой «власть в Кабардино-Балкарской Республике принадлежит народу».

Вместе с тем без изменений остались ч. 2 и 3 ст. 4, согласно которым «Народ Кабардино-Балкарской Республики осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления», а «высшим непосредственным выражением власти народа Кабардино-Балкарии являются референдум и свободные выборы». Иными словами, косвенно подтверждается конституционный принцип народовластия. Если рассматривать эти положения не с формально-юридической, а с общей политической точки зрения, то здесь сохраняются признаки государственности как существенной связи народа (общества) и власти на данной территории, а процедуры свободных выборов и референдума подразумевают, что житель данной территории по отношению к власти выступает как гражданин.

В результате поправок и пересмотра Конституции в 2001, 2003 и 2006 гг. претерпела существенные изменения совокупность положений, выражавших национально-региональную специфику государственного устройства. Из текста Конституции изъяты нормы о поддержке государством традиционных для народов КБР религиозных конфессий и движений, о праве КБР устанавливать частную собственность на землю и ограничениях такого права. Пункт, касающийся вопросов репатриации, сохранился только в ст. 69 и был отредактирован таким образом, что кардинально менялся его смысл: теперь речь шла не об «этнических кабардинцах (адыгах) и балкарцах», а о соотечественниках вообще.

Этнонациональные измерения в структуре государственных институтов были видоизменены по разным причинам и в различной степени. В 2003 г. произошел отказ от двухпалатной структуры парламента. Наличие палаты, представляющей муниципальные образования, порождало некоторую громоздкость организации работы парламента, не обеспечивая эффективного разрешения этнополитических коллизий. Но это и не относилось к ее основным функциям. Иное дело — Комитет по межнациональным отношениям, который по принципам своей организации, процедуре и кругу задач был наделен реальными полномочиями по регулированию межнациональных отношений. Эти полномочия складывались из формирования

состава комитета по принципу национального представительства на паритетной основе, принятия решения большинством голосов по каждой из национальных групп, обязательного приостановления процедур рассмотрения вопроса парламентом до его разрешения и согласования в Комитете. По итогам изменений, внесенных в Конституцию в 2001–2006 гг., Комитет по межнациональным отношениям сохранился, но статус его существенно изменился. Изъято положение о его формировании на основе паритетного национального представительства, решение Комитета принимается не по каждой национальной «курии», а большинством голосов от общего числа его членов. Но требование приостановки процедур рассмотрения соответствующего вопроса парламентом до его согласования с комитетом сохранено.

Реальный характер взаимоотношений общества (населения, граждан) и власти в Республике определяет установленный законом порядок формирования органов государственной власти. Изменения этого порядка затронули первоначально Парламент КБР. Законом от 11 июня 2003 г. «О поправках к гл. 3–9 Конституции Кабардино-Балкарской Республики» была введена смешанная система представительства: половина депутатского состава стала избираться по партийным спискам. Затем Закон КБР от 26 июня 2008 г. «О выборах депутатов Парламента Кабардино-Балкарской Республики» установил, что все депутаты Парламента КБР избираются по единому республиканскому избирательному округу пропорционально числу голосов, поданных за списки кандидатов в депутаты парламента. Списки кандидатов теперь могли формировать только местные отделения федеральных политических партий. Разумеется, важно указать, что принципиальное положение о формировании парламента на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сохранялось неизменным.

Изменения политического статуса глав республик, включая КБР, рассматриваются обычно в контексте федеративных отношений с выдвижением на первый план проблематики их отношений с федеральным центром. Но некоторые аспекты этого процесса целесообразно анализировать и с точки зрения внутренней политической организации республики — в контексте взаимоотношений региональных органов государственной власти с региональным обществом. В этом смысле принципиально важны те изменения, которые претерпел предусмотренный первоначальной редакцией Конституции КБР порядок избрания президента республики гражданами на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Парламент республики 16 июня 2005 г. принял Закон КБР «О поправках к Конституции Кабардино-Балкарской Республики». Новая редакция ст. 79 Основного закона отразила инициированный Президентом РФ В. В. Путиным и закрепленный в федеральном законе порядок, согласно которому наделение полномочиями президента осуществляется парламентом республики по представлению главы российского государства сроком на пять лет.

Символическим показателем нового статуса глав республик стала кампания за отказ от использования термина «президент» для их обозначения. В Кабардино-Балкарской Республике соответствующие поправки в Конституцию были приняты в октябре 2011 г. С 1 января 2012 г. высшее должностное лицо в республике стало называться «Глава Кабардино-Балкарской Республики». Вместе с тем изменения

в федеральном законодательстве на протяжении 2000-х гг. в наименьшей степени затронули тот режим взаимоотношений органов государственной власти в республике, который был предусмотрен в первоначальном тексте Конституции КБР 1997 г. Доминирование высшего должностного лица в политической системе предопределялось уже тем, что он одновременно являлся главой исполнительной власти в республике и как таковой представлял в ней единую систему исполнительной власти Российской Федерации. Федеральное законодательство ограничило после 1999 г. его прерогативы лишь в той мере, в какой они вторгались в пределы полномочий федерального центра.

Отказ от шансов либерализации 2010-х гг. как момент истины для региональной политики. Сложившийся в России в 2000-е гг. режим чаще всего характеризуют как электоральный авторитаризм, т. е. режим, при котором легитимность исполнительной и законодательной властей определяется результатом всеобщих прямых выборов, однако выборные процедуры и итоги голосования являются предметом манипуляций, выборы не являются свободными, прозрачными и справедливыми, конкуренция подвержена серьезным ограничениям²³. Российские либеральные аналитики указывают, что этот политический режим столкнулся в 2010-е гг. с кризисом. Ответом стали шаги по реформе политической системы в 2012–2013 гг. Частичная либерализация сложившегося в стране на протяжении 2000-х гг. политического режима имела выраженное региональное измерение: «Кризис легитимности, проявившийся в событиях 2011–2012 гг., вновь поставил в повестку дня центральный вопрос: кто является субъектом политической воли региона — непосредственно население или органы власти?»²⁴ И в результате реформ «политическая система России стала более гибкой и ориентированной на регионы, принимая во внимание интересы 85 российских регионов»²⁵. Но не все регионы приняли «предложение» федерального центра.

Для нашего исследования наиболее важны реформы, затрагивавшие порядок формирования органов государственной власти и природу политических режимов в субъектах Федерации. Поскольку речь идет о парламенте как представительном и законодательном органе государственной власти Кабардино-Балкарской Республики (ст. 91), то конституционное положение о его формировании путем выборов депутатов на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании (ст. 94) остается неизменным. При этом в 2000-е гг. республиканское законодательство о выборах Парламента КБР либо должно было прямо следовать за федеральным, либо ориентировалось на федеральный образец, вводя голосование только по партийным спискам. В 2010-е гг., имея возможность по примеру Государственной думы вернуться к смешанной системе формирования местного парламента, республиканский законодатель не пошел на это ни в преддверии парламентских выборов в сентябре 2014 г., ни впоследствии. Здесь продолжает действовать порядок голосования только по партийным спискам.

Вместе с тем Федеральный закон от 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ определенно предусматривал избрание высшего должностного лица субъекта РФ гражданами на основе всеобщего равного и прямого избирательного права. Вслед за этим были внесены соответствующие изменения в Конституцию КБР и принят Закон о выборах главы Республики. Но 2 апреля 2013 г. принят Федеральный закон

№ 30-ФЗ, допускавший установление в субъектах Федерации порядка выборов высшего должностного лица не гражданами, а депутатами законодательного (представительного) органа государственной власти. Открывшаяся возможность выбора вариантов формирования доминирующего в политической системе республики института государственной власти стала актуальной для республиканских элит после того, как в декабре 2013 г. произошла отставка действующего главы республики А. Б. Канокова и назначен временно исполняющий обязанности главы Ю. А. Коков. Выбор был сделан в пользу решения вопроса без участия населения. 3 апреля 2014 г. ст. 79 Конституции была подвергнута очередной редакции. Часть 1 статьи устанавливала, что глава Кабардино-Балкарской Республики избирается депутатами парламента сроком на пять лет. В тот же день был принят закон «О порядке избрания главы Кабардино-Балкарской Республики депутатами Парламента Кабардино-Балкарской Республики». Оба закона вступили в силу 23 апреля 2014 г.

Заключение. Итак, политическое развитие Кабардино-Балкарской Республики в 1990-е — 2010-е гг. происходило в контексте общероссийских трансформационных процессов. Как достижения, так и пределы формальной и реальной институционализации принципов демократии в политической жизни региона являются результатом двойной (внутренней и внешней) детерминации и предметом двойной ответственности (на республиканском и федеральном уровнях политической системы).

Относительно завершённый период системной политической трансформации приходится на 1990–1997 гг. В исходном его пункте политическая система Кабардино-Балкарии (КБАССР) в полной мере сохраняла параметры советской социалистической автономии. К концу 1997 г. произошло формальное правовое закрепление постсоветской политической системы в новой Конституции и завершилось формирование соответствующих ей институтов власти. Отношение населения к этим институтам теперь не опосредовалось партийной автократией. Народовластие формально обеспечивалось через механизм свободных конкурентных выборов. Таким образом, действительное значение этого периода заключается не в обретении «суверенитета» и «повышении государственного статуса» республики, а в том, что она выступила как самостоятельный субъект политического процесса, имевшего перспективу институционализации реальной политической автономии региона в рамках демократической российской государственности. Ни сепаратизм, ни этнотрадиционализм не приобрели существенного значения в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии.

С конца 1990-х гг., в рамках политики рецентрализации внутриреспубликанский общественно-политический процесс утратил ту автономность, которая присутствовала в фазе системного перехода от советской к постсоветской политической организации. Институциональные изменения реализовались в виде формальных политико-правовых процедур, которые не сопровождались гражданской или национальной мобилизацией и публичными акциями. В 2001–2011 гг. было принято девять новых редакций основного закона республики. Изменились и порядок формирования парламента, и порядок замещения должности президента (главы) республики. В результате этих изменений представительность

парламента по отношению к населению республики была опосредована федеральными политическими партиями. Не выбор населения, а выбор этих партий стал первичным в определении состава депутатского корпуса. Выборы президента (главы) республики заменены процедурой «наделения полномочиями», от которой граждане были полностью отчуждены. Произошло как бы возвращение к советскому партийно-государственному режиму рекрутирования республиканского руководства из чиновничьей (а теперь еще предпринимательской) «номенклатуры» при посредстве «правящей партии» и под контролем высшей инстанции — Администрации Президента РФ.

Меры по либерализации политического режима России в 2012–2013 гг. открыли перед субъектами Федерации некоторое пространство для собственного усмотрения в решении вопросов организации государственной власти. Характерно, что в этих условиях республиканские элиты не реализовали ни возможность возвращения к смешанной системе выборов депутатов парламента, ни возможность возвращения к всенародным выборам главы республики. Не было и сколь-нибудь значимых проявлений гражданской активности населения. Стали очевидны пределы институциональной трансформации политической системы и пределы укоренения в обществе демократической политической культуры.

Между тем в региональном общественно-научном дискурсе по-прежнему воспроизводятся клишированные представления о «государственности» Кабардино-Балкарии. Эволюция институциональных основ политической системы республики давно лишила эти представления нормативного политико-правового содержания. Но сохраняют формальную силу принципы и процедуры демократии. Их реализация в общественной практике могла бы в более существенном смысле воплотить политическую субъектность и самой Кабардино-Балкарской Республики, и ее населения, нежели терминологическое постулирование ее государственности.

¹ См. об этом: *Растов Д. А.* Переходы к демократии: попытка динамической модели // *Полис*. 1996. № 5. С. 5–15; *Шмиттер Ф.* Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Там же. С. 16–27; *Харитонова О. Г.* Генезис демократии (попытка реконструкции логики транзитологических моделей) // Там же. С. 70–79.

² См., напр.: *Россия регионов: трансформация политических режимов / общ. ред.: В. Гельман, С. Рыженков, М. Бри. М., 2000.*

³ *Мельвиль А. Ю.* Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // *Полис*. 1998. № 2. С. 6–38; *Гельман В. Я.* Постсоветские политические трансформации (наброски к теории) // Там же. 2001. № 1. С. 15–29.

⁴ Здесь можно сослаться на следующие работы: *Гельман В. Я.* Возвращение Левиафана? Политика рецентрализации в современной России // *Полис*. 2006. № 2. С. 90–109; *Туровский Р. Ф.* Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Там же. 2009. № 2. С. 77–95; *Golosov G. V.* The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 63, no. 4. June 2011. P. 623–639. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/09668136.2011.566427> (дата обращения: 20.06.2018); *Стародубровская И. В., Казенин К. И.* Северный Кавказ и современная модель демократического развития. Экспертный доклад / Комитет гражданских инициатив. М., 2016. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/2774> (дата обращения: 20.06.2018).

⁵ *Никовская Л. И., Якимец В. Н.* Публичная политика в регионах России: типы, субъекты, институты и современные вызовы // *Полис*. 2011. № 1. С. 80.

⁶ *Путин В. В.* Демократия и качество государства. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1866753> (дата обращения: 20.06.2018).

- ⁷ *Eidlin F.* Reconciling the General and the Unique: Area Studies, Case Studies, and History Versus Theoretical Social Science // *Comparative Politics, Russia*. 2015. N 2. P. 5–14.
- ⁸ *Поннер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992. С. 309.
- ⁹ См. об этом: *Хабермас Ю.* О субъекте истории. Краткие замечания по поводу ложных альтернатив // *Философия истории. Антология*. М., 1995. С. 283–289.
- ¹⁰ См. об этом: *Остром В.* Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество. М., 1993. С. 249.
- ¹¹ См., напр.: *Гугова М.Х.* Политический плюрализм и формирование политических структур в Кабардино-Балкарии в последней четверти XX века // *Исторический вестник*. Вып. V. Нальчик, 2007. С. 108–112; *Сабанчиев Х.-М.А.* Государственность Кабардино-Балкарии в условиях реформирования системы федеративных отношений (1993–2011 гг.) (к 90-летию государственности КБР) // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. 2011. № 3(41). С. 182–189; *Такова А.Н.* Политические преобразования в Кабардино-Балкарской Республике 2005–2008 гг. // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета*. 2009. № 17. С. 157–165; *Шорова М.Б.* Сложности введения института президентства в Кабардино-Балкарской Республике // *Материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. «Перспектива-2011»*. Т. I. Нальчик, 2011. С. 98–101.
- ¹² Декларация о государственном суверенитете КБССР // *Кабардино-Балкарская правда*. 1991. 5 февр.
- ¹³ Закон Кабардино-Балкарской ССР от 27 сентября 1991 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции КБССР в связи с учреждением поста Президента» // *Кабардино-Балкарская правда*. 1991. 1 окт.
- ¹⁴ Закон Кабардино-Балкарской ССР от 10 марта 1992 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) Кабардино-Балкарской Республики» // *Кабардино-Балкарская правда*. 1992. 17 марта.
- ¹⁵ Закон Кабардино-Балкарской Республики от 6 января 1994 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) Кабардино-Балкарской Республики» // *Кабардино-Балкарская правда*. 1994. 18 янв.
- ¹⁶ Конституция Кабардино-Балкарской Республики. Принята Парламентом Кабардино-Балкарской Республики 1 сентября 1997 г. Нальчик, 1997.
- ¹⁷ См. об этом: *Чиркин В.Е.* Государственная власть субъекта Федерации // *Государство и право*. 2000. № 10. С. 6.
- ¹⁸ См., напр.: *Гельман В.Я.* Региональная власть в современной России: институты, режимы, практики // *Полис*. 1998. № 1. С. 87–105.
- ¹⁹ См. об этом: *Гельман В.Я.* Возвращение Левиафана?.. С. 94–95.
- ²⁰ См. об этом: *Шхагапсоев З.Л., Тенгизова Ж.А., Урумов А.В., Хамуков А.В.* Конституционная реформа в Кабардино-Балкарской Республике. Нальчик, 2011. С. 182–183.
- ²¹ См., напр.: *Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 8 июля 2000 г.* URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22401> (дата обращения: 20.06.2018).
- ²² См. об этом: *Ross C.* Federalism and Electoral Authoritarianism under Putin // *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 13, no. 3. Summer 2005. P. 347–371.
- ²³ *Schedler A.* The logic of electoral authoritarianism // *Electoral authoritarianism: The dynamics of unfree competition* / ed. by A. Schedler. London, 2006. P. 1–23.
- ²⁴ Основные тенденции политического развития России в 2011–2013 гг. Кризис и трансформация российского авторитаризма. Доклад фонда «Либеральная миссия». URL: http://www.liberal.ru/upload/files/OsNo_vnie%20tendentsii%20politicheskogo%20razvitiya.pdf (дата обращения: 20.06.2018).
- ²⁵ Institutional Development and Capacity Enhancement. Russia's Political System Between State Duma Electoral Campaigns of 2011 and 2016 // *Comparative Politics, Russia*. 2016. N 1. P. 121–131.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Боров А. Х., Дзамихов К. Ф., Мамсиров Х. Б. Региональный опыт политических трансформаций в новейшей истории России: Кабардино-Балкарская Республика // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 3. С. 691–707. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.310> УДК 94(47) (471.64)

Аннотация: В изучении политической истории регионов России при переходе от советской к современной федеративной государственности наступает качественно новый этап. Трансформационная фаза их политической динамики завершена не только с формальной институциональной точки зрения, но и в культурно-историческом плане. Открывается возможность перейти к теоретически осмысленному обобщению ее реальных итогов. Такое исследование не может не носить междисциплинарного — историко-политологического характера. Его целесообразно строить на материале отдельно взятого субъекта Федерации, чтобы использование общих политологических конструкций позволяло приходить к обобщениям, остающимся в пределах данного регионального контекста. В статье рассматриваются факторы, механизмы и этапы постсоветской политической трансформации в Кабардино-Балкарской Республике в 1990–2000-е гг. В 1990-е гг. политический процесс в республике развивался автономно, во взаимодействии с общероссийской трансформационной динамикой, но не под прямым контролем федеральных властей. Основным внутренним фактором, определявшим ход политических событий, были этнические коллизии. Но в институциональном плане результаты системной политической трансформации воплотили не суверенизацию, сепаратистские устремления или этнополитический раскол, а продвижение к демократическому федерализму. Дальнейшее развитие показало, что в наследии 1990-х гг. более важным оказался общий интегративный импульс, а не демократические и федералистские формы его реализации. Поэтому республика вписалась с начала 2000-х гг. в общий поворот внутренней политики страны в сторону рецентрализации и укрепления вертикали власти без какого-либо напряжения. Республиканские элиты безоговорочно следовали всем институциональным изменениям, которые инициировались федеральной властью. Когда для них открылась возможность вернуться к более прямому представительству населения депутатским корпусом местного парламента и к прямым выборам главы республики, они ею не воспользовались. Действующий в республике режим как бы воспроизводит советский номенклатурный порядок формирования властно-бюрократического контингента, что позволяет говорить не столько о трансформации, сколько о метаморфозе прежней партийно-государственной системы.

Ключевые слова: Россия, политические трансформации, Северный Кавказ, Кабардино-Балкарская Республика, постсоветский переход, политические институты, демократия, модернизация.

Сведения об авторах: *Боров А. Х.* — кандидат исторических наук, доцент, Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук (Нальчик, Россия); aslan-borov@mail.ru | *Дзамихов К. Ф.* — доктор исторических наук, профессор, Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук (Нальчик, Россия); casbolat2013@yandex.ru | *Мамсиров Х. Б.* — доктор исторических наук, профессор, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова (Нальчик, Россия); mamsirhb@mail.ru

FOR CITATION

Borov A. Kh., Dзамikhov K. F., Mamsirov Kh. B. 'Regional Experience of Political Transformations in Modern History of Russia: Kabardin-Balkar Republic', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 3, 2018, pp. 691–707. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.310>

Abstract: In the studies of Russian regions' political history during the transition period from soviet to modern federal statehood conditions for a qualitatively new stage has been matured. An active transformative phase of their political dynamics has come to an end not only in its institutional dimension but also in a broad cultural-historical sense. The possibilities are opening to get to theoretically meaningful interpretation of real outcomes of a transition period. Such a study would inevitably assume an interdisciplinary character, using hand in hand methods and conceptions of history and political science. It would be feasible to conduct it in reference to the

case of the single subject of the federation so that the operating by the categories of political theory would allow coming to generalizations bounded by given regional context. The present article deals with the causal variables, mechanisms, and phases of a post-soviet political transformation of Kabardin-Balkar Republic in the 1990s and 2000s. In the 1990s political process in the Republic developed autonomously, correlating with all Russia's transformative dynamics, but free from the direct control of federal-state powers. Interethnic frictions were the main "domestic" factor determining the course of political developments. Nevertheless, institutional results of systemic transformation embodied not the "sovereignization", separatist aspirations or ethno-political cleavage, but a general move of Russia toward democratic federalism. The further political development made it evident that in the legacy of the 1990-s integrative impulse as such were more essential than its democratic and federalist form. So, the Republic entered the general turn of Russia's domestic politics toward the recentralization and strengthening of "power vertical" in the 2000s without any tension. Regional elites unequivocally upheld all the central state powers' initiatives in an institutional restructuring of Russian federalism. When possibilities were opened to return to a more immediate representation of the population in regional Parliament and to direct election of the Head of Republic they were not made use of. So, political regime in modern Kabardin-Balkaria has so much similarity with the Soviet "nomenklatura" system that transition period between them may be correctly interpreted rather in terms of "metamorphosis" than of "transformation".

Keywords: Russia, political transformations, North Caucasus, Kabardin-Balkar Republic, post-soviet transition, political institutions, democracy, modernization.

Authors: *Borov A. Kh.* — Candidate in History, Associate Professor, Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Nalchik, Russia); aslan-borov@mail.ru | *Dzamirov K. F.* — Doctor in History, Professor, Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Nalchik, Russia); casbolat2013@yandex.ru | *Mamsirov Kh. B.* — Doctor in History, Professor, Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University (Nalchik, Russia); | mamsirhb@mail.ru

References:

- Chirkin V. E. 'Gosudarstvennaja vlast subiekta Federatsii', *Gosudarstvo i pravo*, no. 10, 2000.
- Eidlin F. 'Reconciling the General and the Unique: Area Studies, Case Studies, and History Versus Theoretical Social Science', *Comparative Politics, Russia*, no. 2, 2015.
- Gelman V. Ya. 'Postsovetskie politicheskie transformatsii (nabroski k teorii)', *Polis*, no. 1, 2001.
- Gelman V. Ya. 'Regionalnaja vlast v sovremennoj Rossii: instituty, rezhimy, praktiki', *Polis*, no. 1, 1998.
- Gelman V. Ya. 'Vozvrashhenie Levafana? Politika recentralizatsii v sovremennoj Rossii', *Polis*, no. 2, 2006.
- Golosov, G. V. 'The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia', *Europe-Asia Studies*, Vol. 63, no. 4, June 2011.
- Gugova M. H. 'Politicheskij plyuralizm i formirovanie politicheskikh struktur v Kabardino-Balkarii v poslednej chetverti XX veka', *Istoricheskij vestnik*, Iss. V, 2007.
- Habermas J. 'O subiekte istorii. Kratkie zamechanija po povodu lozhnykh alternativ', *Filosofija istorii. Antologija* (Moscow, 1995).
- Kharitonova O. G. 'Genezis demokratii (popytka rekonstrukcii logiki tranzitologicheskikh modelej)', *Polis*, no. 5, 1996.
- 'Institutional Development and Capacity Enhancement. Russia's Political System Between State Duma Electoral Campaigns of 2011 and 2016', *Comparative Politics, Russia*, no. 1, 2016.
- Melvil A. Ju. 'Opyt teoretiko-metodologicheskogo sinteza strukturnogo i procedurnogo podhodov k demokraticheskim tranzitam', *Polis*, no. 2, 1998.
- Nikovskaja L. I., Yakimets V. N. 'Publichnaja politika v regionah Rossii: tipy, subiekty, instituty i sovremennye vyzovy', *Polis*, no. 1, 2011.
- Ostrom V. A. *Smysl amerikanskogo federalizma. Chto takoe samoupravljajushheesja obshchestvo* (Moscow, 1993).
- Popper K. R. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi*, Vol. 2. *Vremja Izheprorokov: Gegel, Marks i drugie orakuly* (Moscow, 1992).
- Rastou D. A. 'Perekhody k demokratii: popytka dinamicheskoy modeli', *Polis*, no. 5, 1996.
- Ross C. 'Federalism and Electoral Authoritarianism under Putin', *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, Vol. 13, no. 3, Summer 2005.

- Rossija regionov: transformacija politicheskikh rezhimov*, Eds. V. Gelman, S. Ryzhenkov, M. Bri (Moscow, 2000).
- Sabanchiev H.-M. A. 'Gosudarstvennost Kabardino-Balkarii v usloviyah reformirovaniya sistemy federativnykh otnoshenij (1993–2011 gg.) (k 90-letiyu gosudarstvennosti KBR)', *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 3(41), 2011.
- Schedler A. 'The logic of electoral authoritarianism', *Electoral authoritarianism: The dynamics of unfree competition*, Ed. by A. Schedler (London, 2006).
- Shchagapsoev Z. L., Tengizova Zh. A., Urumov A. V., Khamukov A. V. *Konstitucionnaya reforma v Kabardino-Balkarskoj Respublike* (Nalchik, 2011).
- Shmitter F. 'Razmyshleniya o grazhdanskom obshchestve i konsolidacii demokratii', *Polis*, no. 5, 1996.
- Shorova M. B. 'Slozhnosti vvedeniya instituta prezidentstva v Kabardino-Balkarskoj respublike', *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov, aspirantov i molodykh uchenyh. "Perspektiva-2011"*, Vol. 1 (Nalchik, 2011).
- Takova A. N. 'Politicheskie preobrazovaniya v Kabardino-Balkarskoj Respublike 2005–2008 gg.', *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, no. 17, 2009.
- Turovskiy R. F. 'Regionalnye politicheskie rezhimy v Rossii: k metodologii analiza', *Polis*, no. 2, 2009.